

RU

Коммуникативно-прагматический потенциал прецедентности в комическом тексте

Туова Р. Х.

Аннотация. Цель исследования состоит в обосновании коммуникативно-прагматического статуса прецедентности в комическом тексте, реализуемой во взаимодействии различных видов прецедентных феноменов и «наложении» их восприятия персонажем и читателем, на материале рассказа Ф. Искандера «Чик и Пушкин». Научная новизна исследования заключается в обосновании изменения принадлежности прецедентных феноменов к универсально- или социумно-прецедентным под воздействием социокультурных факторов, а также в раскрытии механизма продуцирования и функционирования комического в координатах прецедентности художественного текста. В результате определено, что прецедентные феномены способны к продуцированию в художественном тексте комического эффекта, который в большинстве случаев оказывается связан не с самими сюжетными ситуациями, а с «наложением» восприятия и фиксируемой в когнитивной базе вариативностью представлений о восприятии прецедентных феноменов персонажем и читателем. Также установлено, что тенденция к синтезу прецедентных феноменов, проявляющаяся в их взаимодействии в комическом художественном тексте, обуславливает углубление коммуникативно-прагматического потенциала такого текста при опоре на когнитивную базу читателя и контаминации различных культурных кодов, которые соотносимы в ней с историческими эпохами и сферами-источниками прецедентных феноменов.

EN

Communicative-pragmatic potential of precedence in a humorous text

Tuova R. Kh.

Abstract. The aim of the research is to substantiate the communicative-pragmatic status of precedence in a humorous text realised in the interaction of various types of precedent phenomena and the “overlap” of their perception by a character and the reader using the material of F. Iskander’s story “Chick and Pushkin”. The scientific novelty of the research lies in substantiating the change in the attribution of precedent phenomena to universally precedent or socially precedent under the influence of socio-cultural factors, as well as in shedding light on the mechanism of production and functioning of the humorous in terms of literary text precedence. As a result, it has been determined that precedent phenomena are capable of producing a humorous effect in a literary text, which in most cases turns out to be associated not with the plot situations themselves, but with the “overlap” of perception and the variability of ideas about the perception of precedent phenomena by a character and the reader fixed in the cognitive base. In addition, it has been found that the tendency to synthesise precedent phenomena manifested in their interaction in a humorous fiction text determines the deepening of the communicative-pragmatic potential of such a text, relying on the reader’s cognitive base and the contamination of various cultural codes that are correlated in this base with historical epochs and source domains of precedent phenomena.

Введение

Лингвистическая теория прецедентности возникает во второй половине XX в., а ее разработка и уточнение ключевых понятий прецедентного текста, прецедентного высказывания, прецедентной текстовой реминисценции знаменуют собой новый этап в понимании самой природы художественного текста (Караулов, 1982; Костомаров, Бурвикова, 1994; Красных, 1997; 2003). В. В. Красных предлагает термин «прецедентный феномен», обозначая следующие функциональные признаки этого явления: «1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества (“имеющие сверхличностный характер”); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» (2003, с. 170).

Важным становится и то, что прецедентный феномен выступает и как «средство... фокусировки смысловой массы художественного текста, указывающее на глубину индивидуальной и групповой (социальной) памяти» (Красных, 1997, с. 6), однако при этом вполне очевидно, что прецедентные тексты не сводимы исключительно к художественным текстам. Актуальность исследования состоит в выяснении специфики функционирования прецедентности в семантическом пространстве художественного текста, т. к. сам прецедентный феномен – это не только факт его употребления в том или ином контексте, но и эталон культуры или свернутая метафора, способные превратиться в символ явления или ситуации вплоть до приобретения статуса символа нации или государства. В этой связи возрастает значимость выявления и описания функций прецедентности и интертекстуальности в процессе межтекстового взаимодействия, в том числе и в координатах разных лингвокультур. Важно и обоснование когнитивно-коммуникативного статуса прецедентных феноменов в комическом тексте как тексте, характеризующемся сложными механизмами объективации смыслов.

Задачи исследования состоят в рассмотрении различных видов прецедентных феноменов, дифференцируемых в соответствии с функциональным критерием, в выявлении механизма реализации комического в процессе функционирования прецедентности в художественном тексте, а также в выявлении структурно-семантических и прагматических параметров различных видов прецедентных феноменов в художественном тексте комической направленности.

Материалом исследования послужили контексты, извлеченные методом сплошной выборки из текста рассказа Ф. Искандера «Чик и Пушкин» (Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы. М.: Эксмо, 2009).

Методы исследования включают методы наблюдения и моделирования, а также компонентный, контекстуальный и интертекстуальный виды анализа. Указанные методы исследования применялись к материалу исследования комплексно с учетом антропоцентричности художественного текста и специфики комического как эстетической категории, функционирующей в нем.

Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные работы, посвященные прецедентности и прецедентным феноменам (Караулов, 1982; Гудков, 2000; Красных, 1997; 2003; Захаренко, Красных, Гудков и др., 1997; Карасик, 2004; Московкина, 2022; Слышкин, 2000), а также комическому как эстетической категории, значимой в процессе текстообразования и воздействия художественного текста на читателя (Бахтин, 1990; Карасик, 2020; Козинцев, 2007а; 2007b; Кузнецова, 2022; Пропп, 1999; Фрейд, 2000). Особую значимость в проведении исследования имеют в этой связи работы по проблематике лингвопрагматики (Грайс, 1985; Остин, 1986; Радбиль, 2006; Стернин, 2008; Хуыз, Духовная, 2018).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты и выводы могут быть применены при разработке теоретических и практических курсов по теории языка, когнитивной лингвистике, филологическому анализу текста, а также в спецкурсах, посвященных проблематике межтекстового взаимодействия в научной парадигме лингвистики и литературоведения.

Обсуждение и результаты

Прецедентность представляет собой явление, свойственное культуре в целом и художественной словесности в частности. В. В. Красных подчеркивает, что «за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета» (1997, с. 9). В. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева отмечают в этой связи, что «прецедентные феномены являются основными (ядерными) элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке» (1997, с. 82). Художественная литература как особый, обладающий практически неограниченными возможностями вид искусства, ориентирована на осуществление эстетической коммуникации, в процессе которой актуализируется коммуникативно-прагматический потенциал прецедентности.

Очевидно, что обращение к некоему фундаменту, совокупности знаний, свойственных конкретному лингвокультурному коллективу, важно в процессе прагматического воздействия на адресата, в осуществлении коммуникативных целей. Мы согласны с И. П. Хуыз и Т. В. Духовной в том, что «формирование прагматического значения и его интерпретация связаны с когнитивной деятельностью индивида, осуществляемой в более широком контексте социума. Планируя передачу некоторой информации, адресант оценивает своего адресата, его интересы, уровень знаний по теме коммуникации, прогнозирует коммуникативный результат» (2018, с. 392).

По функциональному критерию принято выделять социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены (Красных, 2003, с. 173). Под социумно-прецедентными феноменами понимают такие феномены, которые известны любому среднестатистическому представителю в определенном сообществе (генерационном, социальном, профессиональном, профессиональном и пр.) и входят в коллективное когнитивное пространство. Такие феномены могут быть самостоятельными в отношении принадлежности к конкретной национальной культуре, в то время как национально-прецедентные, разумеется, обуславливаются принадлежностью к когнитивной базе конкретного этноса. Универсально-прецедентные феномены – это феномены, характеризующиеся всеобщей известностью, хотя очевидно, что они в сравнении с социумно-прецедентными или национально-прецедентными весьма немногочисленны. Отметим в этой связи, что в целом границы между такими видами прецедентных феноменов весьма лабильны:

универсально-прецедентные феномены могут фиксироваться в какой-либо конкретный промежуток времени только в какой-либо национальной культуре или социальной общности, а национально-прецедентные феномены могут приобретать статус социумно-прецедентных, как, например, произошло с текстами русской классической литературы, которые изучались в средних школах повсеместно в республиках СССР, и не только в тех, где преподавание велось исключительно на русском языке, но и в национальных школах, в которых русский язык и русская литература также являлись обязательными учебными дисциплинами. В этом случае правомерно утверждение о том, что такие прецедентные феномены являются одновременно социумно-и национально-прецедентными, т. к. общность, для которой характерны инварианты восприятия таких феноменов, имеет статус так называемой гражданской нации – наднациональной структуры, объединенной идеологией, ценностями и культурой. Понятие гражданской нации соотносимо и с социально-политической и духовной жизнью современной России, в связи с чем исследователи выделяют и основные признаки российской нации (как и любой другой гражданской нации): «...проживание в едином национальном государстве, скрепленном общей хозяйственно-экономической основой, контролируемой центральной властью территорией, с общими ценностями и культурными основами для большинства жителей страны» (Кожина, 2015, с. 89; Тишков, 2013; Колесников, 2015).

Прецедентные феномены являются незамкнутой системой единиц и значений. Критерий источника прецедентности позволяет выделить прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена, прецедентные ситуации и события (аллюзии), при этом прецедентные феномены могут быть как вербальными, так и невербальными (Красных, 2003, с. 171). Прецедентные тексты, прецедентные имена и высказывания вербальны, тогда как невербальными считаются произведения живописи, архитектуры, скульптуры, музыкальные произведения, события прошлого и т. д. (Красных, 2003, с. 171). При этом особо подчеркнем, что прецедентные феномены, относимые к невербальным, обладают коммуникативно-прагматическим потенциалом, играют важную роль в процессе общения, в том числе и в диалоге автора и читателя, а их интерпретация может быть вербализованной, что закономерно изменяет в данном случае характеристики прецедентного феномена, так или иначе уточняя культурный код.

Основным свойством прецедентного текста признается его известность всем членам лингвокультурного сообщества, это законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; это полипредикативная единица, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Регулярное обращение к прецедентным текстам происходит через прецедентные высказывания или прецедентные имена, которые с таким текстом связаны. Аппелляция к прецедентным текстам предполагает наличие инварианта его восприятия (Красных, 1997, с. 8), при этом такие инварианты далеко не всегда совпадают у участников коммуникации, а в когнитивной базе представителей лингвокультурного коллектива хранятся не сами прецедентные тексты, а представления о их восприятии.

Одним из значимых коммуникативно-прагматических эффектов, которые способны продуцировать прецедентные феномены, является, бесспорно, эффект комизма. Более того, именно комическое обладает, пожалуй, наиболее сложным и многоуровневым характером, т. к. сама эта эстетическая категория обуславливается в своем функционировании или естественными (то есть появляющимися независимо от чьего-либо намерения) событиями, объектами, явлениями жизни, или сознательным конструированием некой системы явлений или понятий с целью транслирования автором оценки явлений действительности. Отметим в этой связи, что комическое в реализации любого из указанных способов направлено на раскрытие противоречивости конкретного явления, и в этом состоит его онтологическая функция. Очевидно, что вербализация комического напрямую определяется фактором неожиданности, деавтоматизацией использования языковых элементов, лингвокреативным потенциалом языковой личности, который, в свою очередь, детерминирован когнитивной деятельностью адресанта сообщения. Интерпретация комического во многом связана с ожиданиями адресата, с конкретным эмоциональным настроением, вызываемым текстом или дискурсом, а также интеллектуальными компетенциями, которые способствуют мгновенной фокусировке внимания на том или ином объекте речи. Ввиду фиксированности в когнитивной базе участников эстетической коммуникации представлений о восприятии прецедентных текстов и несовпадения инвариантов у каждого из коммуникантов и может возникать комический эффект, и именно такой механизм реализации комического многомерно манифестирован в художественных текстах в случае функционирования прецедентности в семантическом пространстве художественного текста. Так, например, ирония как один из значимых видов комического образует с прецедентностью «сложное единство, двойственно воздействующее на предполагаемого адресата: с одной стороны, эта ирония должна быть декодирована читателем (зрителем), с другой – в соответствии с авторским замыслом, она должна быть имплицирована в художественном тексте, но все же иметь такие контекстуальные маркеры, которые позволяли бы распознать конкретную ситуацию или художественный образ как иронические» (Кузнецова, 2022, с. 4025).

В тексте рассказа Ф. Искандера «Чик и Пушкин» можно обнаружить целый ряд репрезентативных контекстов, в которых прецедентные феномены продуцируют комический эффект. Для эффективного функционирования сложного механизма реализации комического через «наложение» восприятия прецедентного текста персонажем и самим читателем автору необходимо создать такое многоуровневое рецептивно-интерпретативное пространство, которое в начале рассказа не содержит маркеров комической ситуации: «В классе было тихо-тихо. Александра Ивановна сидела за столом и читала “Капитанскую дочку”. Даже пылинки

в солнечном луче, падающем на стол учительницы, казалось, стали медленнее кружиться, все пристраиваясь и пристраиваясь к спокойному и милому порядку книги. Александра Ивановна ее читала уже много дней, и каждый раз в классе устанавливалась волшебная тишина» (Искандер, 2009, с. 520). В приведенном контексте прецедентное имя «Капитанская дочка» формирует отсылку к прецедентному для русской лингвокультуры тексту романа А. С. Пушкина. Однако здесь значимо и то, что знание читателем данного текста обуславливает прагматическое воздействие на адресата, которое продуцируется во взаимодействии с той прагматикой, которая характеризует восприятие прецедентного текста героем рассказа – мальчиком Чиком. Кроме того, коммуникативно-прагматический потенциал данного фрагмента расширяется за счет транслируемого в нем отношения к Александре Ивановне, т. к. «волшебная тишина» в классе – это не только воздействие пушкинского текста, это и педагогическое мастерство учителя, а дополнительные признаки восприятия романа «Капитанская дочка» не только героем рассказа Ф. Искандера, но и читателем: «...к спокойному и милому порядку книги».

Прецедентное имя может выступать маркером прецедентной ситуации, которая дается в восприятии персонажа, например: «И чем больше Чик слушал, тем сильнее ему нравился Савелич. Вот чудило! И как он предан своему барчуку, и как бесстрашно готов защищать его. Прямо как насадка цыпленка!» (Искандер, 2009, с. 522). Отметим в этой связи, что прагматическое воздействие на читателя в данном контексте усиливается не только за счет обращения к прецедентному имени Савельича – героя «Капитанской дочки», но и за счет оценочности внутренней речи самого Чика: персонаж рассказа Ф. Искандера репрезентирует свое отношение к пушкинскому герою посредством просторечных элементов «Вот чудило!»; «предан своему барчуку», прибегая также к образному сравнению «Прямо как насадка цыпленка», которые комплексно реализуют комический эффект в данном фрагменте.

Безусловно, важным в реализации прагматического воздействия на читателя становится и взаимодействие прецедентного текста и прецедентной ситуации. Отметим в этой связи, что под прецедентной ситуацией понимают некую «идеальную» ситуацию, которая характеризуется определенным коннотационным комплексом, а ее отличительные признаки фиксируются в когнитивной базе конкретного лингвокультурного коллектива. Означающим прецедентной ситуации может быть любой другой вид прецедентных феноменов (Красных, 2003). Так, в следующем фрагменте: «Преданных, которые никогда не поварчивают на тех, кому они преданы, Чик не любил. Они такие скучные! Ходят с таким надутым выражением: мол, преданными быть очень трудно. Смотрите, смотрите, какие мы преданные! Думаете, легко быть преданными? Очень трудно быть преданными! Но вот мы преданные и не ворчим» (Искандер, 2009, с. 525) – центральными являются размышления Чика о природе преданности Савельича Петру Гриневу, при этом восприятие персонажем Искандера этого художественного образа оказывается важным не только в плане реализации коммуникативно-прагматического потенциала прецедентного текста «Капитанской дочки», но и в формировании читательского отношения к самому Чикю, выявлении его ценностных ориентаций и черт характера – свободолюбия, непосредственности, чувства собственного достоинства.

Интересны и прагматические маркеры синтеза прецедентной ситуации и прецедентного текста, представленные в следующем контексте: «Казалось, каждый дурак, тем более бес, хотя он и бесенок, мог догадаться об этом. А то, что бесенку пришлось подлезать под кобылу, Чик находил подлым и жестоким. Да и вообще мирные черти, вынужденные платить людям ничем не заслуженный оброк, почему-то были Чикю приятней самого верного Балды» (Искандер, 2009, с. 533). Отношение самого Чика к описанной в известной пушкинской «Сказке о попе и о работнике Балде» ситуации, являющейся прецедентной (имеет сферу-источник – русскую народную сказку «Батрак Шабарша», сама пушкинская сказка – также прецедентный для русской лингвокультуры текст), не только маркирует ценностную картину мира персонажа, но и актуализирует отношение к этой сказке читателя, активизируя восприятие прецедентного текста и одновременно обеспечивая восприятие адресатом комического в тексте рассказа Ф. Искандера.

Представляется, что и взаимодействие в контексте нескольких прецедентных ситуаций также создает комический эффект: «Чик тогда потерял книгу, взятую в библиотеке, и старушенция уже извещала его о необходимости немедленно вернуть книгу. Она извещала его об этом в письме, написанном ведьминским коготком на каталожной карточке с дыркой. Чик не понимал, зачем эта дырка нужна в карточке. Он только вспомнил, что в одной книге описывалась тюремная камера. И там в дверях был глазок. Чик поднес карточку к лицу и посмотрел в дырочку, и ему стало грустно <...> И вдруг он сидит на самой макушке груши, а старушенция, как в страшной сказке, появляется во дворе и спрашивает у соседей, где он живет» (Искандер, 2009, с. 537). В приведенном макроконтенте очевидно обращение к прецедентным ситуациям, относимым к разным эпохам и сферам-источникам: с одной стороны, это, разумеется, фольклор («написанном ведьминским коготком», «как в страшной сказке»), с другой – отсылка как к приключенческим романам (и здесь читатель задействует собственную культурную память и совокупность прецедентных текстов, входящих в нее), так и к исторической эпохе сталинских репрессий, к которой автор также обращается в этом рассказе (в эпизоде, когда мальчикам везде мерещатся «вредители»). Эта отсылка маркирована деталью – каталожной карточкой с дыркой, которая напоминает Чикю об описании в книге тюремной камеры.

Безусловно, особым коммуникативно-прагматическим потенциалом характеризуются контексты, в которых, при сохранении общего комизма, осуществляется взаимодействие прецедентного имени, прецедентной ситуации и прецедентного текста: «Чик затих над столом. Он не понимал, что с ним произошло. Краем сознания он все еще помнил, что искал на рисунке. Нет, он не перестал верить в существование вредителей.

Но они куда-то далеко-далеко удвинулись и стали маленькими-маленькими. И даже если они воровато нацарапали на этом рисунке какие-то нехорошие слова и юркнули в какую-то щель, как это все мелко и глупо. Даже искать эти слова мелко и глупо, если в жизни могут происходить такие великие истории, как история Олега и его коня» (Искандер, 2009, с. 557). «История Олега и его коня» – это маркирование прецедентного текста «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина через прецедентное имя, а прецедентная ситуация структурирована более сложным образом – через упоминание собственно исторического контекста времени действия самого рассказа. Восприятие Чика и, как следствие, читателя поднимается над прецедентной ситуацией, и в нем остаются только «великие истории».

Восприятие персонажем пушкинского текста приобретает комический характер, когда в сознании Чика происходит «наложение» различных исторических эпох друг на друга, например: «Чик погрузился в раздумье. Он стал теревить рукой этот ненужный эфес. Он почувствовал пальцами холод железа. Чик незаметно вытащил меч из ножен и стал им играть. Меч был очень тяжелый, и, может быть, поэтому он неожиданно превратился в шашку, после чего Чик без особых раздумий вскочил на коня, отпихнув слегка обалдевшего Олега, и помчался с чапаевской лавиной на беляков!» (Искандер, 2009, с. 553). В приведенном контексте отмечается взаимодействие прецедентного имени («Олег», «чапаевской»), прецедентного текста (в данном фрагменте – это художественный текст иллюстрации к пушкинской «Песни о вещем Олеге») и прецедентной ситуации («без особых раздумий вскочил на коня... и помчался с чапаевской лавиной на беляков»), являющейся явной реминисценцией к художественным фильмам о Гражданской войне.

Безусловно, тесное взаимодействие различных видов прецедентных феноменов обнаруживает тенденцию к синтезу, который углубляет коммуникативно-прагматический потенциал комического текста за счет обращения к когнитивной базе читателя и актуализирует контаминацию различных культурных кодов, соотносимых с историческими эпохами и сферами-источниками прецедентных феноменов. Эффективным механизмом реализации комического становится прием «наложения» восприятия прецедентных феноменов персонажем рассказа и читателем, в когнитивную базу которого входят представления о восприятии таких прецедентных феноменов.

Заключение

Изучение функционирования прецедентности в комическом художественном тексте в координатах ее коммуникативно-прагматических возможностей на материале рассказа Ф. Искандера «Чик и Пушкин» позволило сделать ряд выводов:

1) установлено, что из видов прецедентных феноменов, выделяемых на основании функционального критерия, обширным коммуникативно-прагматическим потенциалом обладают вариативно дифференцируемые национально-прецедентные и социумно-прецедентные феномены, тогда как универсально-прецедентные феномены характеризуются более ограниченными прагматическими возможностями, что объясняет и редкое к ним обращение в художественных текстах;

2) основным механизмом создания комического эффекта при реализации прецедентных феноменов в художественных текстах является «наложение» восприятия прецедентного феномена персонажем и читателем при учете того, что в когнитивную базу личности, социальной группы или этноса включены не сами прецедентные феномены, а представления о восприятии таких явлений прецедентности;

3) прецедентные феномены в комическом тексте характеризуются контаминацией различных видов в конкретных контекстах при явном преобладании прецедентных ситуаций, которые в своей актуализации вступают в сложные многоуровневые отношения с другими явлениями прецедентности, и в этом случае автор практически не обращается к комическим сюжетным ситуациям, опираясь на когнитивную базу адресата художественного текста, и тогда в центре внимания читателя оказывается не какой-либо курьезный случай, произошедший с персонажем, а восприятие героем прецедентного феномена, закономерно известного и читателю.

Перспективы исследования заключаются в возможности изучения и описания индивидуально-авторской картины мира с позиций реализации в ней прецедентности и интертекстуальности как маркеров когнитивной базы носителей конкретной лингвокультуры, возможно моделирование семантического пространства конкретного художественного текста на основании выявляемых в нем культурных кодов. Также перспективным представляется выявление и описание когнитивно-семантических особенностей комического как эстетической категории, реализующейся как прагматическую, так и текстообразующую функции. В этой связи важным представляется фокусирование исследовательского внимания на жанровой природе «переключения коммуникативных регистров» как одного из маркеров присутствия комического в художественном тексте.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. М., 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика.
3. Гудков Д. Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. ст. М.: Изд-во Московского университета, 2000. Вып. 11.

4. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М.: Филология, 1997. Вып. 1.
5. Карасик В. И. Комическая рутинизация // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (149).
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
7. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // VI Международный конгресс МАПРЯЛ. Современное состояние и основы проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: докл. советской делегации. М., 1982.
8. Кожина Ю. В. Строительство гражданской нации и достижение политического единства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-2 (59).
9. Козинцев А. Г. Человек и смех. СПб: Алетейя, 2007а.
10. Козинцев А. Г. Юмор: до и после иронии // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Российская академия наук, Институт языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007б.
11. Колесников В. А. Российская нация – единство в многообразии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4-2 (54).
12. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1 (147).
13. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
14. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М.: Филология, 1997. Вып. 2.
15. Кузнецова А. В. Прецедентность в ироническом художественном дискурсе: функционально-прагматический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 12.
16. Московкина Е. А. Метасюжет и интертекст в поэтике романа Е. Г. Водолазкина «Авиатор» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78.
17. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. М., 1986. Вып. 17. Теория речевых актов.
18. Пропп В. Проблемы комизма и смеха. М.: Лабиринт, 1999.
19. Радбиль Т. Б. Прагматические аномалии в среде языковых аномалий русской речи // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2.
20. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.
21. Стернин И. А. Эффективное речевое воздействие // Стернин И. А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные работы / науч. ред. З. Д. Попова. Воронеж: Истоки, 2008.
22. Тишков В. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
23. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.: Алетейя, 2000.
24. Хуыз И. П., Духовная Т. В. О когнитивной природе формирования и интерпретации прагматического значения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1-2 (79).

Информация об авторах | Author information

Туова Рузана Хамедовна¹, к. филол. н.
¹ Московский городской педагогический университет

Tuova Ruzana Khamedovna¹, PhD
¹ Moscow City University

¹ TuovaRKh@mgpu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.04.2023; опубликовано (published): 15.06.2023.

Ключевые слова (keywords): комический текст; прецедентный феномен; читатель; персонаж; культурный код; humorous text; precedent phenomenon; reader; character; cultural code.